

«ЖИТИЕ» ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Сочинения протопопа Аввакума (1621–1682), главы старообрядчества, представляют собой крупное явление в истории русской литературы XVII в. Главная их особенность – реалистический стиль, насыщенность элементами живой русской речи и богатая образность. Обращаясь к широкому кругу своих единомышленников и последователей, Аввакум говорил на языке, доступном непосредственному пониманию приверженного ему читателя (слушателя) как из верхов общества, так и социальных низов. Обилие в сочинениях Аввакума картин реального быта и злободневной современности делало эти сочинения для заинтересованного читателя чтением не только поучительным, но и занимательным.

Центральное произведение Аввакума – его «Житие» – представляет собой первый в русской литературе опыт автобиографии. Сохраняя элементы житийного стиля, оно вместе с тем очень далеко отходит от традиционного жития прежде всего своей основной установкой – на повествование о фактах личной жизни.

«Житие» и другие произведения Аввакума (беседы, письма, послания, поучения, полемические статьи) созданы главным образом в период его заключения в Пустозёрской тюрьме (после 1667 г.). Житие написано скорее всего в 1672–1673 гг.

Несколько сочинений Аввакума (в том числе и его «Житие» в первой редакции, отрывки из которой здесь воспроизводятся) дошли до нас в автографах, другие – в относительно большом количестве списков.

Тексты Аввакума печатаются по изданию: Памятники истории старообрядчества XVII века. Л., 1927. Кн. 1, вып. 1. (Русская историческая библиотека. Т. XXXIX). Курсивом печатаются цитаты, приводимые Аввакумом без указания источников.

ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА, ИМ САМИМ НАПИСАННОЕ

[Предисловие к житию] По благословению отца моего старца Епифания писано моею рукою грешною протопопа Аввакума, и аще что реченно просто, и вы, господа ради, чтущии и слышашии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных Бог слушает, но дел наших хочет. И Павел пишет: "аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам, – ничто же есмь". Вот что много разсуждать: не латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры господь, но любви с прочими добродетельми хочет; того ради я и не брегу о красноречии и не унижаю своего языка русскаго, простите же меня грешнаго, а вас всех, рабов Христовых, Бог простит и благословит. Аминь.

[Начальный период жизни Аввакума. Первые годы его священства. Первое и второе изгнания] Рождение же мое в нижегородских пределех, за Кудмою рекою, в селе Григорове. Отец ми бысть священник Петр, мати – Мария, инока Марфа. Отец же мой прилежаше пития хмельнова, мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху божию. Аз же некогда видево у соседа скотину умершу, и той ноши, возставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся ноши молитися. Потом мати моя овдовела, и я осиротел молод и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить во церковь, – имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истошилось. Она же в скудости живяше и моляшеся богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воле божию тако. Посем мати моя отыде к богу в подвизе велице. Аз же от изгнания переселихся во ино место. Рукоположен во диаконы двадесяти лет с годом, и по дву летех в попы поставлен; живой в попех осм лет, и потом совершен в протопопы православными епископы – тому двадесеть лет минуло; и всего тридесеть лет, как имею священство.

А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много, – по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам еще же и в царствующем граде и во стране сибирской проповедуя и уча слову божию, – годов будет тому с полтретятцеть¹.

¹ двадцать пять

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу, и малакии² всякой повинна; нача мне, плакавшея, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горко мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя Бог от детей духовных, понеже бремя тяжело, неудобь носимо. Падох на землю на лица своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачю; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: плуют стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сиделцов. И я спросил: "чье корабли?" И оне отвещали: "Лукин и Лаврентиев". Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами, – красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо³, – его же ум человек не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хочет. И я вскричал: "чей корабль?" И сидя на нем отвещал: "твой корабль! на, плавай на нем з женою и детьми, коли докучаешь!" И я вострепетах и седше разсуждаю: что се видимое? и что будет плавание?

А се по мале времени, по писанному: "бьяша мя болезни смертныя, беды адовы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох". У вдовы начальник отнял дочь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери, и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчаса и болши, и паки оживе божиим мановением. И он, устрашася, отступился мне девицы. Потом научил ево дьявол; пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

Таже ин начальник во ино время на мя расвирипел, – прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки отгрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих, и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, по благодаря бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двумя малыми пищальми⁴ и, близ меня быв, запалил ис пистолы, и божиею волею на полке порох и пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лаает, а я ему рекл: "благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!" Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всего ограбя, и на дорогу хлеба не дал.

В то же время родился сын мой Прокопей, который сидит с матерью в земле закопан. Аз же, взяв клюшку, а мати – некрещенова младенца, побрели, амо⁵ же Бог наставит, и на пути крестили, яко же Филипп каженика⁶ древле. Егда ж аз прибрел к Москве, к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу Ивану, они же обо мне царю известиша, и государь меня почал с тех мест знати. Отцы же с грамотою паки послали меня на старое место, и я притащился, – ано и стены разорены моих храмин. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю. Придоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами: и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и ухари⁷ и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, – одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле. И за сие меня Василей Петрович Шереметев, плочучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобратца⁸. Аз же не

² разврату

³ пепельного цвета

⁴ здесь – ружьями

⁵ куда

⁶ скопца, евнуха

⁷ хари (карнавальные маски)

⁸ брющего бороду

благословил, но от писания ево и порицал, видя блудлюбный образ. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу, и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сенях со мною прощались⁹; а брату моему меньшому боярону Васильева и дочь духовная была. Так то Бог строит своя люди...

Помале паки инии изгнаша мя от места того вдругоряд. Аз же сволокся к Москве и, божию волею, государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец-Повольской. И тут пожил немного, – только осьм недель: дьявол научил попов, и мужиков, и баб, – пришли к патриархову приказу, где я дела духовныя делал, и, вытаща меня ис приказа собранием, – человек с тысящу и с полторы их было, – среди улицы били батожем и топтали; и бабы были с рычагами. Грех ради моих замертва убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошади умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают и по граду молва¹⁰ велика. Наипаче же попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: "убить вора..., да и тело собакам в ров кинем!" Аз же, отдохня, в третьей день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам-третьей ушел к Москве. На Кострому прибежал, – ано и тут протопопа ж Даниила изгнали. Ох, горе! везде от дьявола житья нет! Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинился печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут; опять кручина: на што-де город покинул? – А жена, и дети, и домочадцы, человек с двадцеть, в Юрьевце остались: не ведомо – живы, неведомо – прибиты! Тут паки горе.

[Аввакум в Москве. Начало борьбы с Никоном. Первые гонения] Посем Никон, друг наш, привез из Соловков Филиппа митрополита¹¹. А прежде ево приезде Стефан духовник¹², моля бога и постясь седмицу с братьею, – и я с ними тут же, – о патриархе, да же даст Бог пастыря ко спасению душ наших, и с митрополитом казанским Карнилием, написав челобитную за руками¹³, подали царю и царице – о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал, и пишет к нему послание навстречу: преосвященному митрополиту Никону новгородскому и великолукскому и всея Руси радоватися, и прочая. Егда же приехал, с нами яко лис: челом да здорово. Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась. Много о тех кознях говорить. Егда поставили патриархом, так друзей не стал и в крестовую¹⁴ пускать! А се и яд отрыгнул. В пост великой прислал память х Казанской, к Неронову Ивану. А мне отец духовной был; я у него все и жил в церкви: егда куды отлучится, ино я ведаю церковь. И к месту, говорили¹⁵, на дворец к Спасу, на Силено покойника место; да Бог не изволил. А се и у меня радение худо было. Любо мне, у Казанские тое держался, чел народу книги. Много людей приходило. В памяти Никон пишет: "Год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания¹⁶ творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились". Мы же задумались, сошедшеся между собою; видим, яко зима хошет быти; сердце озябло, и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам един скрылся в Чюдов, – седмицу в полатке молился. И там ему от образа глас бысть во время молитвы: "время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!" Он же мне, плачючи, сказал: также коломенскому епископу Павлу, его же Никон напоследок огнем жжег в новгородцких пределех, потом – Данилу, костромскому протопопу; таже сказал и всей братье. Мы же с Данилом, написав из книг выписки о

⁹ просили прощения

¹⁰ здесь – шум, смятение

¹¹ то есть мощи митрополита Филиппа

¹² Стефан Вонифатьев (Внифантьев, Внифантиев) – царский духовник, очень влиятельное лицо в тогдашних церковных делах.

¹³ прошение с подписями

¹⁴ Крестовая палата – зал для приёмов на патриаршем дворе.

¹⁵ то есть прочили на место

¹⁶ земные поклоны

сложении перст и о поклонех, и подали государю; много писано было; он же, не вею где, скрыл их: мнитмися, Никону отдал...

Таже меня взяли от всенощнаго Борис Нелединской со стрелцами; человек со мною с шестьдесят взяли: их в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворе на чепь посадили ночью. Егда же розсветало в день недельный, посадили меня на телегу и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря, и тут на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тме сидя, кланялся на чепи, не знаю – на восток, не знаю – на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приалчен, – сиречь есть захотел, – и после вечерни ста предо мною, не вею ангел, не вею – человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и лошку в руки дал и хлеба немножко и штец похлебать, – зело прикусны, хороши! – и рекл мне: "полно, довлеет ти ко укреплению!" Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только – человек; а что ж ангел? ино нечему дивитца – везде ему не загорожено. На утро архимарит с братьею пришли и вывели меня; журят мне, что патриарху не покорился, а я от писания ево браню да лаю. Сняли большую чепь да малую наложили. Отдали чернцу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чепь торгают¹⁷, и в глаза плюют. Бог их простит в сий век и в будущий: не их то дело, но сатаны лукаваго. Сидел тут я четыре недели...

[Ссылка в Сибирь] Таже послали меня в Сибирь с женою и детьми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила; болную в телеге и повезли до Тоболска; три тысящи верст недель с тринацеть волокли телегами и водою и санми половину пути.

Архиепископ в Тобольске к месту устроил меня. Тут у церкви великия беды постигоша меня; в полтора годы пять слов государевых¹⁸ сказывали на меня, и един некто, архиепископля двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс. Съехал архиепископ к Москве, а он без нево, дьявольским научением, напал на меня: церкви моя дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же Антон утече у него и прибежал во церковь ко мне. Той же Струна Иван собрався с людьми, во ин день прииде ко мне в церковь, – а я вечерню пою, – и вскочил в церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду. А я в то время двери церковныя затворил и замкнул и никого не пустил, – один он Струна в церкви вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил ево среди церкви на полу и за церковный мятеж постегал ево ремнем нарочито¹⁹-таки; а прочии, человек з двадцеть, вси побегоша, гоними духом святым. И покаяние от Струны приняв, паки отпустил его к себе. Сродницы же Струнины, попы и чернцы, весь возмутили град, да како меня погубят. И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взять и в воду свести. И Божиим страхом отгнани быша и побегоша вспять. Мучился я с месяц, от них бегаючи втай; иное в церкви начую, иное к воеводе уйду, а иное в тюрьму просился, – ино не пустят. Провожал меня много Матфей Ломков, иже и Митрофан именуем в чернцах, – опосле на Москве у Павла мирополита ризничим был, в соборной церкви з дьяконом Афонасьем меня стриг; тогда добр был, а ныне дьявол ево поглотил. Потом приехал архиепископ с Москвы и правильною виною ево, Струну, на чепь посадил за сие: некий человек з дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину взяв и, не наказав мужика, отпустил. И владыко ево сковать приказал и мое дело тут же помянул...

Посем указ пришел: велено меня из Тобольска на Лену вести за сие, что браню от писания и укоряю ересь Никонову...

Таже сел опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего рекох, – поехал на Лену. А как приехал в Енисейской, другой указ пришел: велено в Дауры вести – дватцеть тысящ и

¹⁷ дёргают

¹⁸ «Слово и дело государево» – официальная формула, сопровождавшая донос, обличавший кого-либо в государственном преступлении, а также обозначающая само это преступление.

¹⁹ здесь – сильно

болши будет от Москвы. И отдали меня Афонасью Пашкову в полк, – людей с ним было 600 человек; и грех ради мих суров человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет. И я ево много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали из Енисейска, как будем в большой Тунгуске реке, в воду загрузило бурей дощеник²⁰ мой совсем: налил среди реки полон воды, и парус изорвало, – одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя. А я, на небо глядя, кричу: "господи, спаси! господи, помози!" И божиею волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощенике двух человек сорвало, и утонули в воде. Посем, оправяся на берегу, и опять поехали вперед.

Егда приехали на Шаманской порог, на встречу приплыли люди иные к нам, а с ними две вдовы, – одна лет в 60, а другая и болши: пловут постричься в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: "по правилам не подобает таковых замуж давать". И чем бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом, пороге стал меня из дощеника выбивать: "для-де тебя дощеник худо идет! еретик-де ты! поди-де по горам, а с казаками не ходи!" О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя; утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть – заламя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы, – перие красное, – вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы²¹, и лебеди, и иные дикие, – многое множество, птицы разные. На тех горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, и зубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие, – во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверми, и со змиями, и со птицами витать. И аз ему малое писанейце написал, сице начало: "Человече! убойся бога, сидящего на херувимех и призирающего в безны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираешь и неудобство показуешь", – и прочая; там много писано; и послал к нему. А се бегут человек с пятьдесят: взяли мой дощеник и помчали к нему, – версты три от него стоял. Я казакам каши наварил да кормлю их; и они, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачут на меня, жалеют по мне. Привели дощеник; взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит; начал мне говорить: "поп ли ты или роспоп²²?" И аз отвечал: "аз есмь Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?" Он же рыкнул, яко дивий²³ зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой и паки в голову, и сбил меня с ног и, чекан²⁴ ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболочки²⁵ по той же спине семдесят два удара кнутом. А я говорю: "господи Иисусе Христе, сыне божий, помогай мне!" Да то ж, да то ж, беспрестанно говорю. Так горко ему, что не говорю "пощади!" Ко всякому удару молитву говорил, да осреди побой вскричал я к нему: "полно бить тово!" Так он велел перестать. И я промолыл ему: "за что ты меня бьешь? ведаешь ли?" И он паки велел бить по бокам, и опустили. Я задрожал да и упал. И он велел меня в казенной дощеник оттащить: сковали руки и ноги и на беть²⁶ кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелию лежал...

Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому большому – Падуну, река о том месте шириною с версту, три залавка²⁷ чрез всю реку зело круты, не воротами што попповет, ино в щепы изломает, – меня привезли под порог. Сверху дождь и снег; а на мне на плеча накинута кафтанишко просто: льет вода по брюху и по

²⁰ Дощаник (также досчаник, дощан) – плоскодонное деревянное речное судно небольшого размера с палубой (или полупалубой) и одной мачтой.

²¹ здесь – пеликаны

²² Распоп – расстрига, священник, лишённый сана.

²³ дикий

²⁴ Чекан – холодное оружие типа топора.

²⁵ раздевши

²⁶ Беть – бревно, кладущееся поперёк барки для скрепления бортов.

²⁷ уступа

спине, – нужно²⁸ было гораздо. Из лотки вытаща, по камению скована окол порога тащили. Грустко²⁹ гораздо, да душе добро: не пеняю уж на бога вдругорят...

Посем привезли в Брацкой острог и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста в студенной башне; там зима в те поры живет, да Бог грел и без платья! Что собачка в соломке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил, – и батожка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: "прости!" – да сила божия возбранила, – велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами³⁰ и с собаками жил скован зиму всю. А жена с детми верст з двадцеть была сослана от меня. Баба ея Ксенья мучила зиму ту всю, – лаяла да укоряла. Сын Иван – невелик был – прибрел ко мне побывать после Христова рождества, и Пашков велел кинуть в студеную тюрьму, где я сидел: ночевал милой и замерз было тут. И на утро опять велел к матери протолкать. Я ево и не видал. Приволокся к матери, – руки и ноги ознобил...

Потом доехали до Иргеня озера: волок тут, – стали зимою волочитца. Моих работников отнял, а иным у меня нанятца не велит. А дети маленькие были, едоков много, а работать некому: один бедной горемыка-протопоп нарту³¹ зделал и зиму всю волочился за волок. Весною на плотях по Ингоде реке поплыли на низ. Четвертое лето от Тобольска плаванию моему. Лес гнали хоромной и городской. Стало нечева есть; люди учили с голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие, – огонь да встряска, – люди голодные: лишю станут мучить – ано и умрет! Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступился. У протопопицы моей однарятка³² московская была, не згнила, – по русскому рублев в полтретьятцеть и болши по тамошнему: дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулись, на Нерче реке живучи, с травною перебиваючися. Все люди з голоду поморил, никуды не отпускал промышлять, – осталось небольшое место; по степям скитающесе и по полям, траву и корение копали, а мы – с ними же; а зимою – сосну; а иное кобылятины Бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей, и что волк не доест, мы то доедим. А иные и самых озяблых ели волков и лисиц, и что получит, – всякую скверну. Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла, – все извод взял, понеже не по чину жеребенка тово вытащили из нея: лишю голову появил, а оне и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Ох, времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех, а с прочими, скитающесе по горам и по остроу камению наги и боси, травною и корением перебивающесе, кое-как мучилися. И сам я, грешной, волею и неволею причастен кобыльим и мертвечьим звериным и птичьим мясам. Увы грешной душе! Кто даст главе моей воду и источник слез, да же оплачу бедную душу свою, юже зле погуби житейскими сладьми? Но помогала нам по Христе боляроня, воеводская сноха, Евдокея Кириловна, да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна: оне нам от смерти голодной тайно давали отраду, без ведома ево, – иногда пришлют кусок мясца, иногда колобок³³, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую, а иногда и полпудика накопит и передаст, а иногда у коров корму из корыта нагребет. Дочь моя, бедная горемыка, Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смех! – иногда робенка погонят от окна без ведома бояронина, а иногда и многонько притащит. Тогда невелика была, а ныне уже ей 27 годов, – девицею, бедная моя, на Мезени, с меншими сестрами перебиваяся кое-как, плачючи живут. А мать и братья в земле закопаны сидят. Да што же делать? пускай горкие мучатся все ради Христа! Быть тому так за божиею помощию.

²⁸ трудно

²⁹ грустно, тяжко

³⁰ Аманаты – заложники из числа родственников-мужчин сибирских «князьцов», содержавшиеся при царских воеводах.

³¹ Нарты – низкие сани для езды на собаках и на оленях.

³² Однорядка – мужская верхняя одежда, однобортный кафтан.

³³ Колобок – небольшой круглый хлебец, толстая лепёшка.

На том положено, ино мучитца веры ради Христовы. Любил, протопоп, со славными знатца, любви же и терпеть, горемыка, до конца. Писано: "не начный блажен, но скончавый". Полно тово; на первое возвратимся...

[Возвращение из сибирской ссылки] Таже с Нерчи реки паки назад возвратилися к Русе. Пять недель по лду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки; а сам и протопопица брели пеши, убивающесе о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошаедми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, – кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной³⁴ же человек на нее набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: "матушка-государыня, прости!" А протопопица кричит: "что ты, батко, меня задавил?" Я пришел, – на меня, бедная, пеняет, говоря: "долго ли муки сея, протопоп, будет?" И я говорю: "Марковна, до самыя смерти!" Она же, вздохня, отвещала: "добро, Петрович, ино еще побредем".

Курочка у нас черненькая была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, божиим повелением нужде нашей помогаая; Бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум приидет. Ни курочка, ни што чудо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублей при ней плюново дело, железо! А та птичка одушевлена, божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую ис котла тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а нам против того по два яичка на день давала. Слава богу, вся строившему благая! А не просто нам она и досталася. У боярони куры все переслепли и мереть стали; так она, собравше в короб, ко мне их принесла, чтоб-де батько пожаловал, – помолился о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес збродил, корыто им зделал, из чево есть, и водою покропил, да к ней все и отослал. Куры божиим мановением исцелели и исправилися по вере ея. От тово-то племяни и наша курочка была. Да полно тово говорить! У Христа не сегодня так повелось. Еще Козма и Дамиян человеком и скотом благодествовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка и птичка во славу его, пречистаго владыки, еще же и человека ради...

Десеть лет он³⁵ меня мучил или я ево, – не знаю; Бог разберет в день века. Перемена ему пришла, и мне грамота: велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял; умышлял во уме своем: "хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы". Он в дощениках со оружием и с людьми плыл, а слышал я, едучи, от иноземцев: дрожали и боялись. А я, месяц спустя после ево, набрав старых и болных и раненых, кои там негодны, человек с десятка, да я с женою и з детми, – семнатцеть нас человек, в лотку седше, уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали, амо же Бог наставит, ничего не бояся.

Таже в русские грады приплыл и уразумел от церкви, яко ничто ж успеваает, но паче молва бывает. Опечался, сидя, разсуждаю: что сотворю? проповедаю ли слово божие или скроюся где? Понеже жена и дети связали меня. И виде меня печална, протопопица моя приступи ко мне со опрятством³⁶ и рече ми: "Что, господине, опечалился еси?" Аз же ей подробну известих: "жена, что сотворю? зима еретическая на дворе; говорить, ли мне или молчать? – связали вы меня!" – Она же мне говорит "господи помилуй! что ты, Петрович, говоришь? Слыхала я, – ты же читал, – апостольскую речь: "привязался еси жене, не ищи разрешения; егда отрешитишися, тогда не ищи жены". Аз ты и с детми благословляю: дерзай проповедати слово божие попрежнему, а о нас не тужи; дондеже Бог изволит, живем вместе, а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силен Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петровичь, – обличай блудную еретическую!" Я-су ей за то челом, и, отряспе от себя печальную слепоту, начах попрежнему слово божие проповедати и учити по градом и везде, еще же и ересь никониянскую со дерзновением обличал.

³⁴ утомлённый

³⁵ упоминавшийся выше воевода Афанасий Пашков

³⁶ с осторожностью, деликатно

В Енисейске зимовал; и паки, лето пlyingше, в Тобольске зимовал. И до Москвы едучи, по всем городам и по селам, во церквах и на торгах кричал, проповедавая слово божие, и уча, и обличая безбожную лесь. Таже приехал к Москве. Три годы ехал из Даур; а туды волокся пять лет против воды; на восток все везли, промежду иноземских орд и жилищ. Много про то говорить! Бывал и в иноземских руках. На Оби великой реке предо мною 20 человек погубили христиан, а надо мною думав, да и отпустили совсем. Паки на Иртыше реке собрание их стоит: ждудт березовских наших с дощенником и побить. А я, не ведаючи, и приехал к ним и, приехав, к берегу пристал: оне с луками и обскочили нас. Я-су, вышед, обниматца с ними што с чернцами, а сам говорю: "Христос со мною, а с вами той же!" И оне до меня и добры стали и жены своя к жене моей привели. Жена моя также с ними лицемеритца, как в мире лесь совершается; и бабы удобрились. И мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро. Спрятали мужики луки и стрелы своя, торговать со мною стали, – медведев³⁷ я у них накупил, – да и отпустили меня...

[Прибытие в Москву] Таже к Москве приехал, и, яко ангела божия, прияша мя государь и бояря, – все мне ради. К Федору Ртищеву зашел: он сам из полатки выскочил ко мне: благословился от меня, и учили говорить много-много, – три дни и три ноци домой меня не отпустил и потом царю обо мне известил. Государь меня тотчас к руке поставить велел и слова милостивые говорил: "здорово ли-де, протопоп, живешь? еще-де видатца Бог велел!" И я сопротив руку ево поцеловал и пожал, а сам говорю: "жив господь, и жива душа моя, царь-государь; а впредь что изволит бог!" Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел, куды надобе ему. И иное кое-что было, да што много говорить! Прошло уже то! Велел меня поставить на монастырском подворье в Кремли и, в походы мимо двора моего ходя, кланялся часто со мною низенко-таки, а сам говорит: "благослови-де меня и помолися о мне!" И шапку в ыную пору, мурманку, снимаючи с головы, уронил, едучи верхом. А из кореты высунется бывало ко мне. Таже и вся бояря после ево челом да челом: "протопоп, благослови и молися о нас!" Как-су мне царя тово и бояр тех не жалеть? Жаль, о-су! видишь, каковы были добры! да и ныне оне не лихи до меня; дьявол лих до меня, а человеки все до меня добры. Давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними соединился в вере; аз же вся сия яко уметы³⁸ вменил, да Христа приобрящу, и смерть поминая, яко вся сия мимо идет...

[Аввакум с единомышленниками в Пустозерске] Таже осыпали нас землю: струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырьми замками: стражие же пре[д] дверми стрежаху темницы. Мы же, здесь и везде сидящие в темницах, поем пред владыкою Христом, сыном божиим, песни песням, их же Соломан воспе, зря на мать Вирсавию: се еси добра, прекрасная моя, се еси добра, любимая моя, очи твои горят, яко пламя огня; зубы твои белы паче млека; зрак лица твоего паче солнечных лучь, и вся в красоте сияеш, яко день в силе своей (Хвала о церкви).

Таже Пилат³⁹, поехав от нас, на Мезени достроя, возвратился в Москву. И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаию сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число Бог изочтет. Чюдо, как то в познание не хотят прийти: огнем, да кнутом, да висилицею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так? – не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолом так учить, еже бы огнем, да кнутом, да висилицею хотят в веру приводить. Но господем реченно ко апостолом сице: "шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет". Смотри, слышателю, – волею зовет Христос, а не приказал апостолом непокоряющихся огнем жечь и на висилицах вешать. Татарской бог Магмет написал во своих книгах сице: "непокаряющихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити". А наш Христос ученикам своим никогда

³⁷ Медведь – в данном случае залежавшийся у купцов товар.

³⁸ Умёт – помёт, грязь.

³⁹ Пилатом Аввакум называет стрелецкого полуголову Ивана Елагина, чинившего жестокою расправу над пустозёрскими узниками.

так не повелел. И те учителя явны яко шиши⁴⁰ антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают; по вере своей и дела творят таковы же. Писано во Евангелии: "не может древо добро плод зол творити, ниже древо зло плод добр творити": от плода бо всякое древо познано бывает. Да што много говорить? аще бы не были борцы, не бы даны быша венцы. Кому охота венчатца, не по што ходить в Персиду, а то дома Вавилон. Ну-тко, правоверне, нарцы имя Христово, стань среди Москвы, прекрестися знаменем спасителя нашего Христа, пятью персты, яко же прияхом от святых отец: вот тебе царство небесное дома родилось! Бог благословит: мучься за сложение перст, не разсуждай много! А я с тобою за сие о Христе умрети готов. Аще я и несмыслен гораздо, неука человек, та то знаю, что вся в церкви, от святых отец преданная, свята и непорочна суть. Держу де смерти, яко же приях; не прелагаю предел вечных, до нас положенно: лежи оно так во веки веком!..

⁴⁰ Шиш – разбойник; соглядатай, шпион.